

Грузия, боль моя!

Мысли, навеянные спектаклями Грузинского академического театра имени Шота Руставели в Москве

Бер. Москва, - 1994. Эврон, - с. 6

Даже не знаю, с чего и начать...

Посмотрел сейчас четыре спектакля, привезенных на гастроли в Москву, а мысли все равно там, в Грузии. Слово гляжу в перевернутый бинокль времени. Перед глазами — неруко-творная красота этого райского уголка, о котором сами грузины любят в шутку говорить, будто господь Бог сперва оставил его себе для дачи. Но когда оказалось, что все другие земли уже распределены, махнул рукой и сказал беспечным грузинам: так и быть, живите здесь и будьте счастливы! И они были счастливы, хотя, конечно, случайно всякое...

У каждого человека свой круг воспоминаний. Для одних Грузия ассоциируется с Алазанской долиной, для других — с черноморскими берегами, для третьих — с именами Шота Руставели, Нико Пиросмани, Котэ Марджанишвили, Грибоедова, Лермонтова, Пушкина. У меня здесь тоже есть свои личные привязанности. Например, Эличка Ахаледиани, Додо Александридзе, Верико Анджапаридзе, Кето Магалашвили, Медва Джапардидзе, Эроси Манджгаладзе... Говорю о них в настоящем времени, хотя знаю, что они уже ушли из жизни. Но разве настоящая привязанность прекращается со смертью человека? Разве не в памяти близких продолжается наша жизнь? А в чем же тогда? В камне? В бронзе? Да полноте. У Льва Толстого и вовсе нет никакого надгробия — лишь скромный холмик. А у скольких людей нет и могилы...

Я назвал имена ушедших. Но у меня в Грузии и сегодня живут и трудятся замечательные друзья. Они, как и я, не теряют надежды на то, что в конце концов ветер разгонит тучи, которые уже несколько лет заволакивают здесь небо зимой и летом, ночью и днем...

Все четыре спектакля имели боль-

шой успех. Гастроли начались «Кавказским меловым кругом», которому скоро исполнится 20 лет. А я вспоминаю, в каких муках он родился. Это потом спектакль получил мировое признание. Но сперва, повторю, были сомнения, а точнее, была проклятая зависть. Как же так, какой-то молодой человек Роберт Стура вдруг всех обскакал? Надо поставить его на место!

Самое удивительное, что Стура отнесся к этой возне вокруг спектакля достаточно спокойно, будто и не он его сделал. Другой бы зывал к общественному мнению, собирал подписи под коллективными письмами. А Стура молча сидел на обсуждении в Доме актера имени Акакия Хоравы и терпеливо выслушивал какой-то бред о Брехте, который якобы проявил неуважение к Грузии в «Кавказском меловом круге», и о себе как о его пособнике. Знаю об этом, к сожалению, не помаслышке, сам при том присутствовал...

Что верно, Стура действительно неравнодушен к Брехту. Еще до «Кавказского мелового круга» он поставил здесь же знаменитую пьесу Поликарпа Какабадзе «Кваркваре Тутабери» и ввел в свой спектакль сцену с актером из пьесы Брехта «Карьера Артуро Уи». Это была не просто удачная цитата. Встреча Какабадзе с Брехтом — своеобразное открытие художника, сообщившее спектаклю Стуры дополнительное измерение.

В одиннадцатый раз смотрел я сейчас «Кавказский меловый круг», а впечатление такое, будто присутствовал на премьере. Конечно, не обошлось без вводов. Рисунок, правда, в основном остался прежний. Да и индивидуальности у новых исполнителей во многом схожи с их предшественниками. Однако ни Маринэ Кахиани — эта жестокая, надменная, насковье фальшивая Натела, ни Татули Долидзе — напротив, очаровательная, искренняя и доброжелательная Груше, не стремятся подражать замечательным первым исполнителям, а ищут и находят собственные интонации.

Что же касается Жанри Лолашвили, Иосифа Лагидзе, Кахиана Кавсадзе, Джемала Гаганидзе и, конечно же, не-

сравненного Рамаза Чхиквадзе, то создает ощущение, будто, закончив представление, они с удовольствием готовы все начать сначала.

Спектакль не шел уже несколько лет и был восстановлен сейчас перед гастроллями. Однако еще в Тбилиси в первый же вечер стало очевидно, что списывать его никак нельзя: и дома, и в Москве успех оказался грандиозным! Больше того, некоторые мотивы пьесы обрели дополнительную актуальность. И когда Аздак предлагает сегодня славить новых руководителей, это воспринимается совсем по-иному, чем двадцать лет назад. Ибо время само по себе и редактор, и провокатор ассоциаций, и лучший толкователь минувшего.

Помимо «Кавказского мелового круга», Стура привез еще один спектакль Брехта — «Добрый человек из Сычуани», где за редким исключением представил, по-существу, новую труппу. Что же это за земля обетованная, где постоянно запросто рождаются такие талантливые актеры, как Нино Касрадзе, Заза Пагуашвили, Баба Двалишвили, Леван Берикашвили, Нана Шония, Каха Тавардциладзе...

Конечно, правы те, кто считает, что «Кавказский меловый круг» во многих отношениях остается пока непревзойденной вершиной театра. Но разве на этом основании можно вообще отказываться от попыток двигаться дальше? «Остановись, мгновение. Ты прекрасна!» — эта реплика явно не из репертуара Роберта Стуры.

«Добрый человек» грешит театральным многословием, излишними психологическими подробностями, попыткой решить Брехта, как Горького или даже Чехова, множественностью финалов. Создается впечатление, что стихия импровизации зачастую берет верх над трезвым расчетом, характерным для Стуры и необходимым для Брехта.

Вспоминаю, как Стура рассказывал, что для сохранения темпа и ритма «Мелового круга» он однажды точно хронометрировал каждый эпизод и затем велел помощнику режиссера поворачивать сценический круг согласно этому расписанию, независимо от того, успели ли актеры произнести последнюю реплику или нет. Такой принцип не лишил исполнителей возможности импровизировать, но и не превращал спектакль в аморфное безразмерное действо. Может быть, «Добрый человек» грешит отсутствием такой жесткой регламентации? Ведь театр — наименее приспособленный институт для любых демократических преобразований, они могут лишь

окончательно его утробить...

Мне приходилось не раз слышать, что Стура из той породы режиссеров, которые не могут делить свою «берлогу» с другими. Не знаю, может быть, это и правда. Ведь и Мейерхольд, и Таиров, и Ахметели, и Курбас, и Товстоногов, и Образцов тоже не слишком стремились превратить свои театры в режиссерское общежитие. Как только кто-то из ближайшего окружения чуть-чуть подрастал, они немедленно помогали ему не просто выпорхнуть из родного гнезда, но и давали реальную возможность обрести новое, собственное, что не менее важно.

Не берусь предсказывать, как сложится дальнейшая судьба Андро Енукидзе, Отара Эгвадзе и Левана Цуладзе, но их спектакли «Счастье Иринэ» и «Рождественский сон», по-моему, явно опровергают слухи о деспотизме и нетерпимости Стуры. Обе работы не слишком похожи на театр Стуры, особенно «Счастье Иринэ», хотя в обоих случаях Роберт Робертович объявлен как руководитель постановки.

«Счастье Иринэ» Д. Квдишвили устроено так, что зрители сидят на сцене. Действие происходит здесь же, при закрытом занавесе. Лишь в самом начале и в конце он ненадолго поднимается, и многие действующие лица оказываются там, в пустом зрительном зале. Спектакль камерный, но отнюдь не тихий, хотя и тонкий, наполненный точными психологическими деталями, с великолепными работами актеров всех поколений. Это единственное произведение грузинского автора в нынешнем гастрольном репертуаре связано с событиями, имевшими место в начале XIX века в маленьком имперетинском селе. Однако оно не оставило равнодушными и нас, живущих почти два столетия спустя. Потому что любовь остается любовью, ревность — ревностью, а беда — бедою. Вчера, сегодня, завтра — всегда!

Странная вещь, но «Рождественский сон», инсценированный и поставленный Отаром Эгвадзе и Леваном Цуладзе по мотивам рассказов Чарльза Диккенса, тоже воспринимается как вполне современное произведение. Да, конечно, мы помним, что действие происходит в сочельник в Лондоне. Что все герои — англичане. Но нам почему-то показалось, что Томас Скрудж и все, что его окружает, могли бы жить не только на берегах Темзы. Может быть, Диккенс именно потому и получил мировое признание, что он был очень английским писателем. Ведь известно: чем ярче в творчестве любого художника проявляются национальные черты, тем больше вероятность, что они, его произведения, найдут понимание повсюду.

Натела — Маринэ Кахиани. «Кавказский меловый круг».

Нет, герои «Рождественского сна» вовсе не грузины. Они какие-то сказочные персонажи, которые могли бы принадлежать и Гофману. В них угадывается преувеличенная таинственность, что не лишает повествование ни простоты, ни юмора. Особенно точно это почувствовали Лела Алибегашвили — Лилизи, Мурман Джинория — дух Марли и Каха Тавардциладзе — дух Будущих Святых. И безусловно Карло Сакандлидзе — Томас. Все вместе они сыграли удивительно добрый, грустный и трогательный спектакль, немного сентиментальный, как и положено в данном случае: ведь Диккенс же, черт возьми, Диккенс!

Четыре вечера зрители неизменно устраивали овации, дарили цветы, и мне казалось, что по обе стороны рампы все были по-настоящему счастливы оттого, что снова встретились. Мы увидели театр, который, несмотря ни на что, не намерен сдаваться. А он в свою очередь имел возможность снова убедиться в том, что его в Москве помнят, ценят, любят и ждут. Сегодня, может быть, даже больше, чем прежде. Ведь мы двести лет прожили вместе, в одной стране. Но, видимо, недостаточно это ценили, если позволили кому-то вот так бездумно и легко все эмгип порушить, позавбыв, что в Пантеоне в Тбилиси покоятся рядом Нина Чавчавадзе и Александр Грибоедов как неоспоримый символ великой любви, верности и дружбы...

Я сожалею, что телевидение по-настоящему пока не сделало всеобщим достоянием эту встречу в Москве, когда зрители не только аплодировали, но и плакали. Может быть, увидев все это, парламентарии задумались бы наконец о том, как нам снова обустроить мир на нашей грешной земле?

О Грузия, боль моя!

Борис ПОЮРОВСКИЙ.
Фото ЮРИЯ КОЧЕТКОВА.

Груше Татули Долидзе. «Кавказский меловый круг».